

Б.Д. Цыбенов

**ИЗ ИСТОРИИ БУДДИЗМА
ХОРИ-БУРЯТ
(XVIII – начало XX в.)**

Улан-Удэ 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время появилось множество научных и научно-популярных работ, посвященных изучению теории буддизма, буддийского образования, истории буддизма Тибета, Монголии и Бурятии. Несмотря на это, вопросы истории распространения буддизма, строительства и функционирования дацанов, биографии выдающихся деятелей из числа буддийского духовенства, на наш взгляд, остаются все еще малоизученными. Настоящая работа является попыткой освещения развития буддизма среди хори-бурят – одной из крупных составных частей бурятского народа. В ней имеются также сведения из истории тибетского и монгольского буддизма, распространения религии среди селенгинских и других групп бурят.

В предлагаемом пособии особое внимание уделено началу широкого распространения буддизма среди бурят. Приводятся данные о буддизме селенгинских родов - выходцев из Монголии, которые непременным условием принятия российского подданства считали уважение к их религии. Несколько позже первые ламы и дацаны появляются у других групп бурятского населения, в том числе и хори-бурят. XIX в. явился периодом расцвета бурятского буддизма, несмотря на ограничения царского правительства. В пособии освещается строительство дацанов, приводятся сведения о буддийском духовенстве, открытии новых буддийских факультетов и школ. Данные по истории строительства дацанов в XVIII-XIX вв. основываются на материалах различных бурятских летописей (составители сборников летописей – Ш.Б. Чимитдоржиев, Ц.П. Ванчикова), даты возведения дацанов и школ в них порой противоречивы и могут не совпадать с официальными. В пособии мы решили указать все даты, поскольку бурятские летописцы скрупулезно отмечали любые события, связанные с постройкой дацанов (неофициальное, тайное начало строительства; перенос дацана из-за пожара, наводнения; строительство каменного дацана вместо деревянного). С использованием новых архивных источников, переведенных автором со старописьменного монгольского языка, освещены и такие вопросы, как хозяйственно-финансовая система дацанов и их культурно-просветительская деятельность. Поскольку тема исследования очень обширна, многие факты из истории бурятского буддизма, не-

которые персоналии могли быть не учтены или о них в пособии приведены сжатые данные.

При составлении настоящего пособия, помимо сведений из бурятских летописей, широко использованы материалы бурятских ученых Г.Д. Нацова, Г. Р. Галдановой, Б.Д. Дандарона, К.М. Герасимовой, Д.С. Жамсуевой, Г.Н. Очировой и др. Глоссарий составлен на материалах Г.Р. Галдановой и Л.Л. Абаевой.

Автор благодарит проф. Ш.Б. Чимитдоржиева и проф. В.Б. Базаржапова за научное руководство настоящей работой.

Тема I

Начальный этап распространения буддизма в Бурятии и появление первых дацанов в XVIII в.

1.1. Начало распространения буддизма в Бурятии

История распространения буддизма на территории этнической Бурятии напрямую связана с историей монголов, поскольку начиная с образования империи Чингисхана бурятские этнические группы входили в орбиту ее влияния, а Южное Забайкалье именовалось Ара Монгол (Северная Монголия). Процессы, характерные для всех монгольских народов, в том числе принятие буддизма в XIII в. во время правления Хубилай-хана и XVI в. Алтан-ханом, происходили и на ее окраинах, в Забайкалье и Прибайкалье. В целом становление этнической культуры бурят, включавшей в себя народное устно-поэтическое творчество и мифологию, бытовые обряды и традиции, экологические традиции, эстетические нормы и идеалы, происходило в процессе многовекового взаимодействия с монгольской культурой. Несмотря на эти факты принятия буддизма в качестве государственной религии, нравственно-этические нормы большинства этнических групп бурят в течение долгого времени были проникнуты духом шаманизма [Чимитдоржиев, 2000].

На рубеже XVI - XVII вв. на территорию этнической Бурятии начинает проникать буддизм. С возникновением в Северной Монголии признанных центров буддийской церкви (Эрдэни-Цзу, Амар-Баясгалант, Их-Хүрээ) начинается распространение буддизма в Забайкалье. По этому поводу М.Н. Богданов писал: «В XVI-XVIII вв. мы видим мощное распространение ламаизма по всей Монголии. Он делается как бы национальной религией монголов, не только оставшихся в государственных границах Монголии, но и за ее пределами (калмыки в России, буряты в Сибири). С утратой самостоятельности монголы утратили национально-политическое бытие и политические интересы. Их национальное чувство нашло выражение в формах религиозного культа» [Богданов, 1926, с.37]. Следует заметить, что различные этнические группы населения Южного Забайкалья считали себя составной частью монгольского общества и приобщались к общей религии. К первым приверженцам буддийской религии относились табангуты, цонголы, сартулы, ата-

ганы, хатагины и другие роды, вышедшие из Монголии и к тому времени имевшие специальные юрты для исполнения буддийских богослужений. Селенгинские буряты, состоящие из 80 монгольских этнических компонентов, как выходцы из «феодальной Монголии» представляли другой этап эволюции социальной организации: от общинно-родовой к родоплеменной военной олигархии и далее к развитию ранних форм феодальной государственности. Поэтому не случайно первоначально буддизм утвердился именно у них, затем среди хори-бурят и позднее всего у булагатов и эхиритов [Герасимова, 2006, с.16].

Время принятия буддизма хори-бурятами отмечено в исторических хрониках. Как выходцы из Внутренней Монголии, они сохранили воспоминания о приглашении тумэтским Алтан-ханом главы тибетской школы гелугпа Содном-Жамцо в 1577 г. В 1593 г. они находились в подчинении у солонгутского Бубэй-Бэйлэ батора, кочевья которого находились в пределах Барги, примерно на стыке современных границ между КНР, Монголией и Россией. В 1600-х гг. начались перемещения хори-бурят в Забайкалье, отдельные роды перебираются на Ольхон и западный берег Байкала. По данным одной из летописей, когда хори-буряты были подданными Содном-Жамцо, они начали приобщаться к религии Будды Шакьямуни, почитать изображения богов, ламы и их ученики стали читать священные книги, обучать тибетской и монгольской грамоте, медицине и астрологии, появились хуvaraки из их среды. Таким образом, летописцы относят начало распространения буддизма среди хори-бурят к концу XVI в., когда после посещения Юго-Восточной Монголии иерархом школы гелугпа деятели буддизма стали использовать в своих целях монгольский письменный язык как орудие массовой религиозной проповеди.

Эти данные подтверждает А.М. Позднеев, в конце XIX в. посетивший почитаемый хори-бурятами буддийский монастырь Хүхэн-хутухты. Этот монастырь, именуемый Ринчин-тэкчин-лин, служил местожительством для 1000 лам и был расположен на территории Северо-Восточной Монголии, в горной пади на ручье Баин-гол, впадающем в р. Тэнгэлик. Здесь востоковед познакомился с бурятом из Хоринского ведомства, специально приехавшим сюда на поклонение. Согласно рассказанной им легенде, Хүхэн-хутухта был «исконным» ламой (уриданай лама) хори-бурят, которые стали

его почитать во время правления солонгутского Бубэй-бэйлэ. После женитьбы Дай-Хун-тайжи на хоринской княжне Бальжин-хатан все, включая подданных, 11 родов хори-бурят отправились на поклонение к Хүхэн-хутухте. Внешней особенностью Хүхэн-хутухт являлось то, что они не брили волос на голове, носили длинную скобку, раскидывающуюся у них по плечам, ежедневно приносили жертвы Падмасамбхаве и особо чествовали Марбу-лоцзаву. Исходя из этих данных, Позднеев предположил, что Хүхэн-хутухты принадлежат или к древней школе тибетского буддизма ньингмапа, или к школе кагьюпа, отдающим предпочтение тантризму, обучению в затворничестве и созерцанию [Позднеев, 1898, с. 472-474]. Как известно, в период феодальной раздробленности в Монголии (XIV-XVI вв.) многие тибетские монахи различных направлений в качестве проповедников отправлялись на территорию Монголии. Поэтому представляется весьма вероятным проникновение одного из таких миссионеров в указанный регион, где в то время кочевали хори-буряты. Возможно, этим ранним знакомством хори-бурят с отличными от школы гелугпа канонами и традициями, включая тантризм, можно объяснить последующее тяготение многих бурятских лам к изучению тантр и медитации. Наличие многих добуддийских шаманских элементов в доктринах и формах практики школ ньингмапа и кагьюпа, возможно, было воспринято шаманистами-хори-бурятами как некое неошаманство, и на этом этапе знакомства с буддизмом не было существенного противостояния с шаманизмом. Вполне допустимо также, что русские казаки-первопроходцы и путешественники, отмечая селенгинских бурят как явных буддистов, могли принять длинноволосых последователей школы ньингмапа или кагьюпа из числа хори-бурят за шаманов.

В составе переселившихся из Внутренней Монголии родов хори-бурят находились и буддийские религиозные служители. В разное время до установления русско-китайской государственной границы из монгольских кочевий прибывали ламы и светские учителя и распространяли буддийское учение. Имена некоторых записаны в бурятских родословных, например, в роде галзут числится учитель Мунток, приехавший из Монголии и вошедший в состав галзутов в начале XVIII в.

Ламы жили в основном в ставках нойонов. Известно, что тайша Шодо Болтироков в 1729 г. содержал ламу монгольского

происхождения по имени Лубцан-Намджил, исповедовал буддийскую религию и имел сочинение, напечатанное на монгольском языке в 16 томах и называемое «Юм», которое было святыней его отца. Впоследствии эти книги были утеряны в результате пожара 1772 г. в Кодунском дацане. Наличие фамильного «Юма» на монгольском языке у хоринского тайши вполне возможно. Еще в конце XVI в. в Южной Монголии известным в то время религиозным деятелем Пандита-ширету Гуши-цоржо был выполнен перевод трех книг «Юм», а именно пространный «Юм», средний «Юм» и сокращенный «Юм». Если перевод книг с тибетского языка на монгольский был предпринят в 90-х гг. XVI в., то родовая знать хори-бурят могла приобрести «Юм» перед уходом из Восточной Монголии. Вероятно, книга была приобретена прапрадедом тайши Болтирокова, неким Боохоем, жившим 14-15 поколений тому назад, о котором в родословной галзутского рода сказано: «богач Боохой, имевший 100 белых верблюдов» [Цыдендамбаев, 1972, с. 625-626].

Дальнейшее развитие монголо-бурятских религиозных взаимосвязей летописцы увязывают со вступлением в 1635 г. на трон главы ламаистской церкви третьего сына халхаского Тушетухана под девизом Джебцзун-Дамба-хутухты, начавшего активно распространять буддизм во всей Монголии. С этого времени в его ставку Их Хурээ бурятские юноши ездили на учебу, а бурятские паломники - на богослужения. Спустя некоторое время мирное положение дел было нарушено обострением ойрато-халхаских отношений и вторжением в Халху в 70-х гг. XVII в. западномонгольского (джунгарского) правителя Галдан-Бошокту. Для развития бурятского буддизма начало этого вооруженного конфликта имело положительный эффект, выразившийся в прибытии в Забайкалье многочисленной группы монгольских лам. Большинство лам, прибывших из-за междоусобных военных столкновений, вероятнее всего, оставались на территории Южного Забайкалья. Этому способствовали близость к Монголии, наличие многочисленных монгольских родов, монгольская языковая среда. Именно среди селенгинских бурят буддийская религия первоначально получила наибольшее распространение.

Свидетельства о распространении буддизма среди бурятских родов, кочевавших в долине р. Селенга, сохранились в отписках, донесениях русских служилых людей, вступивших одними из

первых в контакт с бурятами. В частности, можно выделить докладные енисейского казачьего десятника К. Москвитина, атамана П. Бекетова, атамана И. Похабова и др. В донесении Москвитина (1647) говорилось: «А кому они [мунгалы] молятца, и то писано всякими разными красками по листовому золоту человеческие, а подписи писаны по тому же золоту против лиц на другой стороне..., а иные у них болваны серебряные валяные в поларшина, золочены. И тех их болваны и писанные лица ставлены по их вере в мечетях войлочных, и книги у них по их вере есть писаны по бумаге... Молятца они, мунгалы, перед теми своими болваны написанными лицами на коленках стоя и по книгам. А перед болваном и написанных лиц ставят чаши серебряные с горячим угольем, а на уголье кладут ладан росной...» О вере бурят (брацких людей), живущих на реках Уда и Селенга сообщал П. Бекетов: «Молятся по своей вере литым болванам. Литы те болваны серебряные и позолочены, а перед болванами чаши большие серебряные литые же и позолочены, а налиты де не знать питья каково полны, а кругом тех чаш оставлены свечи в гнездах. Те свечи скан из серы, не знать из какой, а горят свечи тихонько день и ночь перед теми болванами. Скани де те свечи тоненьки, дух от тех свеч, что от ладану» [Чимитдоржиев, 1997, с.21]. Несколько позже в 1675 г. через Забайкалье проезжал русский посланник Н. Спафарий, упомянувший о светском главе монголов - начальнике Очирой Сайн-хане и духовном – хутухта-ламе.

Таким образом, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что цонголы, сартулы, атаганы и другие роды, перекочевавшие в Забайкалье в XVII в., находились под влиянием буддизма. Важным условием принятия российского подданства, выдвигаемым монгольскими выходцами, была неприкосновенность их религии. Например, в 1689 г. 5 монгольских тайшей и табунгутские тайши заключили с послом Ф.А. Головиным договор о переходе в русское подданство. Российская сторона обязалась придерживаться свободы вероисповедания, избегать принудительного крещения новых подданных. Выходцы из Монголии дорожили этим условием, потому что в их числе уже были ширетуи, тогда как большинство забайкальских бурят оставались шаманистами. Таким образом, прибывшие буддисты заручились поддержкой государственной власти.

Последующее развитие бурятского буддизма проходило в относительной изоляции от ламаистской религии Монголии вследствие присоединения бурятских территорий к России (50-60-е гг. XVII в.) и установления государственных границ с Цинской империей. Однако в 1712 г. сотрясаемую политическими катаклизмами Монголию покидает большая группа монгольских и тибетских лам, которую можно назвать второй после 70-х гг. XVII в. «буддийской волной». Монахов было 150 человек, это были монголы и тибетцы. Они вошли в состав селенгинских и хори-бурят и были приписаны к каждому в отдельности роду. Вероятно, все они имели ученые степени, оказываемая ими медицинская помощь и богослужения были признаны исключительно плодотворными. Местной администрацией был подан доклад императору с приложением их именных списков относительно возможности утверждения их в число лам. Вследствие этого по указу Петра I все 150 были утверждены в должности комплектных лам и освобождены от податей. Несомненно, деятельность этих 150 тибетских и монгольских лам, равно как и многих других лам, прибывших в Забайкалье еще до этого события, сыграла немалую роль в распространении буддийской религии.

Ко времени установления границы России с Китаем по Буринскому договору, заключенному в 1727 г., буддийская религия играла уже заметную роль в жизни бурятского общества в Забайкалье, появляются общественные сумэ, кочевавшие вместе со своими прихожанами. По официальным данным, в бурятских кочевьях было 11 сумэ. Возможно, их реальное количество было намного больше.

Позиции исконной религии хори-бурят – шаманизма, во многом определявшего культуру народа, образ жизни, еще долгое время были непоколебимы. Буддизм по аналогии с периодом правления династии Юань во многом продолжал оставаться религией верхушки родоплеменных группировок. Имелось незначительное количество людей, знавших монгольскую грамоту. Большинство населения исповедовало исключительно шаманскую веру. В рассматриваемое время буддизм распространялся в приграничных с Монголией районах этнической Бурятии, главным образом в Южном Забайкалье, поэтому его влияние на быт и культуру большей

части бурят было еще слабым, основная масса исповедовала шаманизм.

В связи с проведением государственной границы между Россией и Китаем по Буринскому (Кяхтинскому) договору 1727 г. пристальное внимание царского правительства привлекла религия. Россия, учитывая слабость своих форпостов на восточных рубежах, стремилась к мирным взаимоотношениям с Цинской империей, поэтому при размежевании российских и китайских владений одной из главных целей посла С. Рагузинского было устранение всех факторов, которые могли бы негативно повлиять на соблюдение пограничного режима. Само расположение центров буддизма на территориях, подвластных маньчжурам, вызывало опасения посла, так как развитие бурятского буддизма естественно должно было повлечь за собой усиление связей с Ургой, Лхасой и Пекином. Для сохранения мира, безопасности границ и устранения внешних влияний было решено отменить церковное управление бурятскими ламами из ведомства зарубежных религиозных центров и создать автокефальную церковную организацию бурятского буддизма. Для выполнения этой задачи требовались, во-первых, лояльное отношение к верованиям местного населения и, во-вторых, строгое размежевание и учреждение самостоятельно управляющейся бурятской буддийской церкви. По существу это означало попытку царизма ограничить религиозные связи бурят с признанными центрами буддизма в Монголии и Тибете. В «Инструкции пограничным дозорщикам» от 30 июня 1728 г. было предписано: «Лам заграничных, чужих подданных, в улусы к себе ясачным инородцам не пропускать и довольствоваться теми ламами, которые остались после разграничения, дабы российских подданных пожитки не чужим, но своим доставались... Ежели оставшихся лам в российской стороне по нынешнему разграничению не довольно, в таком случае выбирать им между собой из каждого рода по два мальчика благоразумных и к наукам охотных, хотя из сирот или кто похочет отдавать тайше Лунсану, дабы при нем обретающиеся ламы оных учили мунгальской грамоте и прочему, что таким принадлежит, дабы верноподданным ныне и впредь в чужих ламах не было нужды, а которые выучатся совершенной монгольской грамоте, в которой российским подданным иноземцам не без нужды, тех обнадеживать милостью Его императорского Величества в произведении чином в начальники» [Ухтом-

ский, 1904, с.8]. Для местных чиновников это положение стало на долгое время основным документом в их отношении к буддизму в Бурятии.

И все же подобные меры не могли сразу привести к прекращению религиозных связей бурятского духовенства с Монголией и Тибетом. В материалах фонда Селенгинской воеводской канцелярии НАРБ имеется много дел о ламах-перебежчиках, захваченных пограничными казаками. Кроме монгольских лам, в документах, относящихся к 1-й половине XVIII в., упоминаются «индейне» - тибетские ламы, попавшие в Забайкалье из Тибета через Монголию. В докладной иркутского вице-губернатора Ланга, адресованной Селенгинской воеводской канцелярии, предписывалось всех имеющих лам привести к присяге на верноподданство России и взять с них обязательство, под угрозой смертной казни, не только не переходить границу, но даже, ни явно, ни тайно, ни под какими предложениями сношений с иностранными людьми не иметь.

В 30-х гг. XVIII в. селенгинские роды - выходцы из Монголии, под предводительством цонгольской знати возвели первый стационарный дацан в местности Эргэ Бурэгэ. Из-за дальних расстояний некоторые селенгинские роды переселились на левый берег р. Чикой, в местность Хилгантуй. По данным бурятских летописей, в это время к селенгинским родам из хоринских степей прибыли ламы и хувараки, и в том дацане начались хуралы. Следовательно, в богослужениях, проводимых в дацане Эргэ Бурэгэ, уже принимали участие и хори-бурятские ламы. Что касается статуса первого, возможно, в то время этот дацан был не единственным, так как в некоторых источниках отмечено наличие еще более раннего дацана среди селенгинских бурят - Сартульского, основанного в 1707 г.

В 1728 г. Рагузинский заложил основу местной церковной иерархии, учредив должность главы забайкальских лам и назначив на нее тибетца Агвана Пунцука из числа 150 тибетских и монгольских лам.

Во время пребывания Рагузинского в Забайкалье еще не было стационарных монастырей буддийской церкви как социального института, но государственный деятель предвидел дальнейшее развитие буддийской религии на территории проживания бурят. Через 13 лет после проведения российско-китайской границы, в 1741 г., когда появились первые статистические сведения о числе лам и ку-

мирен в Забайкалье, царское правительство сочло необходимым регламентировать вероисповедные дела бурят юридически. В Забайкалье, по сведениям сибирского начальства, было 11 «ламских капищ» и 150 лам. В 1741 г. указом Елизаветы Петровны впервые утвержден штат из 150 комплектных лам, которые были приведены к присяге на верноподданство России, освобождены от ясака и других повинностей и получили разрешение проповедовать между бурятами свое учение. Тибетец Агван Пунцук был назначен главным ламой селенгинских и хори-бурят со званием ширетуя, а Хилгантуйский дацан был признан главным среди 11 сумэ. Эти 150 лам распространяли учение поочередно в селенгинских родах и среди хори-бурят. Теперь каждый селенгинский и хори-бурятский роды имели свой штат лам.

С этого времени начинается становление собственно бурятской буддийской церковной организации, так как царское правительство в тот период сделало все возможное для того, чтобы ослабить влияние ургинского Богдо-гэгэна, а заодно и маньчжуров в Забайкалье; отвлечь бурят от традиционных связей с Тибетом и Монголией. Одним из признаков тесных взаимосвязей, по мнению русской администрации, было ношение кос бурятами, являющееся отличительной особенностью принятия маньчжурского подданства.

Утверждение буддизма было сопряжено с процессом политической консолидации, но происходило «это в рамках родоплеменных группировок». Можно обратить внимание на следующие особенности бурятского буддизма: первые общественные дуганы были родовыми, учреждались по решению родовых сугланов, территория дацанского прихода фактически была территорией расселения этнических родовых коллективов, первоначально структура ламской общины состояла из родовых аймаков. К этим аймакам общины дацанского духовенства ламы приписывались по признаку родовой принадлежности. На территории дацанского прихода действовали родовые общественные культы – обоо. Главным приходским обоо становился родовой культ ведущей этнической группы, связанной с другими единством родовой генеалогии. Религиозные центры возникли в рамках родоплеменных группировок: Цонгольский дацан – центр цонгольских правобережных этнических групп, Гусиноозерский дацан – центр левобережных селенгинских бурят [Герасимова, 2006, с.16].